

Дмитрий Горчев
МОСКВИЧИ

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г71

Иллюстрации Д. Горчева

*Рассказы публикуются
с сохранением авторской орфографии и пунктуации.*

Горчев Д.

Г71 Москвичи : [рассказы] / Дмитрий Горчев. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 255 с. : ил. — (Серия «Пальмира — Горчев»).

ISBN 978-5-517-04596-6

В книгу вошли избранные произведения знаменитого петербургского писателя и художника Дмитрия Горчева.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Горчев Д. А., наследники, 2022
© Горчев Д. А., наследники, иллюстрации, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ISBN 978-5-517-04596-6

ВОСПИТАНИЕ

Воспитание

У меня было самое лучшее детство, которое можно придумать. Мной совершенно никто не занимался в плохом смысле этого слова. То есть меня не заставляли делать то, чего я не хочу. Мать (которую я очень люблю и уважаю), притом что я, разумеется, был всегда накормлен, умыт и постиран, решительно никак не участвовала в моём нравственном, интеллектуальном и прочем развитии, и потому этими делами я занимался сам. Я вообще доставлял очень мало хлопот — я даже практически никогда не болел. Организм мой, выпущенный ещё до наступления общества потребления, был удивительно прочен. Я вот его в последние тридцать лет тщательно уничтожаю, а он всё живёт и живёт.

Я сам ходил записываться на секции гимнастики, потом баскетбола, хоккея с шайбой и бокса. Последняя, после того как мой лучший друг ударил меня по морде, мне очень не понравилась, и я в неё больше не ходил.

Мы с моим другом Мишей занимались совершенно нелепыми с сегодняшней точки зрения занятиями. На-

пример, начитавшись Тура Хейердала, мы строили плот Кон-Тики и бороздили на нём бескрайнюю лужу прямо за нашим домом. Или же совершенно бескорыстно таскали для строителей кирпичи на соседней стройке. Потом увлеклись фотографией и развешивали на аптекарских весах фенидон, гидрохинон, буру и поташ. Клеили гэдээровские модели самолёта Ту-144. В мае перекапывали шесть соток на даче, а осенью выкапывали картошку обратно. Подросши, слушали ансамбль битлз и будто бы случайно хватали одноклассниц за жопу.

Я вот сейчас думаю, подводя уже некоторые итоги, что из того скудного потенциала, который был мне выдан (это не кокетство, я просто очень хорошо с собой знаком), я, благодаря вышеизложенному, надавил из себя в последующей жизни раза в два больше того, что там было.

Красота

Я потрясающе, фантастически красив.

Моя красота относится к той же категории явлений окружающего мира, что восход солнца на горе Килиманджаро, рисунок созвездий в июльском небе или кудрявые березки во ржи. То есть она вечна и безусловна. Никаких сомнений она вызывать не может.

Каждое утро я стараюсь на неё полюбоваться. Тогда день обязательно будет удачным и светлым, даже если на дворе слякоть и мерзость и денег, как всегда, нету.

Иногда, правда, мне не удастся этого сделать. Тут может быть несколько объяснений. Возможно, я вчера выпил лишнего, и глаза с утра открываются с трудом и не полностью. Или зеркало нужно наконец-то протереть.

А может быть, лампочка в прихожей опять перегорела. Но, так или иначе, это означает, что день уже пропал, прожит будет наверняка бездарно, и хорошо ещё, если морду не набьют.

Каждый день я стараюсь сделать для своей красоты что-нибудь хорошее. То причешусь, то умоюсь. Или хотя бы волосок из бороды выдерну. А в торжественных случаях я натираю свою красоту особой суконкой, чтобы она блестела под лучами солнца. Я даже собираюсь однажды купить для этого специальную пасту, но спешить мне некуда, потому что красота моя и так никуда не денется.

Но на самом деле жить с такой красотой не так уж просто.

Женщины, стыдясь своего ложного совершенства рядом с моими чистыми и прекрасными линиями, уходят к уродливым мужчинам, чтобы блистать на их волосатом и кособоком фоне.

Начальство, остро чувствуя в моём присутствии собственную плешивость и морщинистость, орёт на меня, выпучив глаза. Оно не добавляет мне зарплату, не продвигает по службе и вообще грозитя уволить.

Милиция, та вообще не может мимо меня спокойно пройти. Она понимает, что такая красота просто так по улице ходить не станет, и наверняка тут не обошлось без мафии или других высших сил. Она долго сличает мою красоту с её жалким оттиском в измятом паспорте, понимая, что придраться тут не к чему, а вот так взять и отпустить тоже не годится. Потом она со вздохом отдаёт мне свою честь, чтобы, обойдя квартал, снова спросить паспорт.

Всё это очень неприятно на самом деле.

Но я не отчаиваюсь. Я знаю, что завтра утром вновь увижу настоящую неподдельную красоту. Если, конечно-

но, лампочка в прихожей не перегорит. А зеркало я сегодня же непременно протру.

Вот приду с работы и протру, для меня это суший пустяк.

Мысли о смерти

Про смерть я задумался однажды при очень неподходящих обстоятельствах.

Было мне лет девять, и проводил я летние каникулы у тётки в деревне. И вот как-то вечером я сидел и читал книжку Тура Хейердала, не то Аку-Аку, не то Кон-Тики, а тётка сидела на койке напротив и стригла ногти на ногах.

Я оторвался на минуту от книжки и неожиданно подумал: «А ведь она когда-нибудь умрёт» (тётке сейчас, кстати, сильно за девяносто, и она по сей день жива, чего и далее ей желаю). Нет, я, конечно, знал и раньше, что люди умирают, но знал как-то теоретически. Ну, умирают где-то там, а может, и не умирают. Взрослые эти, вообще, чего только не напридумают.

А тут вдруг я понял, что это правда: вот сидит, допустим, тётка, сидит — и вдруг хлоп! — и померла.

Мысль меня эта почему-то так поразила, что я дня два ходил такой потрясённый, что у меня даже заболел зуб. И болел он целую неделю непрерывно. Мне время от времени засовывали в рот таблетку анальгина, и тогда зуб болел слабее, но боль всё равно никуда не уходила, а просто пряталась за соседним зубом, и я уже не мог ничего разобрать — где боль, а где смерть.

А ещё некоторые говорят, что будто бы детство — счастливая пора. Память у них хуёвая потому что.